

ЛУННЫЙ ПЕЙЗАЖ

РАССКАЗ

Был июль.

Улица лежала в кружевной тени. Перед невысоким крыльцом толпились люди, в основном молодые, нервно смеялись, курили, сидели прямо на вытертых ступенях; при его приближении встали и расступились.

Он прошел сквозь живой коридор. С ним здоровались — опасливо и подобострастно; одним кивком ответив на все приветствия разом, он вошел в здание, и запах разогретой пыли сменился запахом пыли холодной.

Прохлада.

Экзаменационные списки на стенах. Запах пота и духов. Здесь тоже толпились, и тоже приветствовали его, и женщина в зеленом шелковом платье, видимо, мама кого-то из абитуриентов, нерешительно задала какой-то вопрос — и отстала, напоровшись на его взгляд.

Он прошел в застекленные двери, и запах холодной пыли сменился другим, давним, как эти стены, и совершенно неопределимым.

Лица. Приветствия. Гладкие ступени цвета лежалого льда. Снова приветствия. Из залитого солнцем коридора он шагнул в темный зал, где посреди прохода стоял стол с настольной лампой. Освещенная сцена была пуста.

— Можем мы наконец начинать?

Он опустился на дожидавшийся его стул. Счастливые обладатели мобильных нажали каждый на свою кнопку. Нежный электронный писк, мгновенный зеленоватый свет, дальше — тишина.

И — приступили.

Вчерашние подростки скрипели старыми ступеньками сцены, на трясущихся ногах входили в пятно света и говорили чужими голосами, повторяли заученные слова, смотрели перед собой, но видели только белые пятна прожекторов — таким ярким казался им свет среди темного зала. Их останавливали, умышленно сбивали с толку, давали им новые задания — он молчал, откинувшись на спинку стула, и только иногда мучительно щурил маленькие воспаленные глаза.

Вот на сцену вышла высокая, светловолосая, в безвкусном макияже девушка; чуть напрягшись, он разглядел ее талант, небольшой и цепкий, как шуруп, и ее характер, похожий на стенку из толстого оргстекла. До времени выдержит, потом даст трещины.

Он сощурился — силуэт девушки расплылся перед глазами, он увидел ее судьбу. Окончание института, год работы в плохоньком театре-студии, неудачное замужество, двое детей, нищета, контора, в которую она устроится секретаршей, и только потом, лет в сорок, удачное знакомство с...

Он не стал смотреть дальше.

— Спасибо. Следующий...

Движение тяжелой бархатной шторы. Шаги по лестнице; среднего роста юноша в желтой как лимон рубашке.

Минуту он слушал монолог Карла Моора, потом, поджав пальцы в ботинках, увидел талант юноши — кусочек бетона размером с горошину. Брак предварительной консультации. У парня нельзя было принимать документы.

Смотреть судьбу юноши он не стал.

— Спасибо. Следующий...

Шептались члены приемной комиссии. Возможно, кто-то захочет взять парня в желтой рубашке на свой курс. И отчислит — через год, через два...

На сцену поднялась маленькая чернявая девушка в назойливо-алом платье. Его тронули за рукав; да, он знал, что именно эту *надо* брать. Его предупреждали.

Он улыбнулся краешком рта. Девушка читала легко, как по маслу, ее натаскивали лучшие педагоги.

Он прищурился.

Талант был, но заурядный, как вареное яйцо. Стиснув зубы, он увидел ее судьбу — сразу после института папа устроит ее в лучший театр, и она проработает несколько сезонов, играя роли второго плана, потом ей наскучит — и ее устроят куда-то еще...

Усилилась боль в груди. Левая рука привычно нащупала на столе аптечную упаковку.

— Спасибо...

Он смотрел их одного за другим.

Попалась девушка с талантом ярким и твердым, как огромный самоцвет. Преодолевая головокружение, он посмотрел ее судьбу — и увидел блестящие роли в дипломных спектаклях, отсутствие столичной прописки, и провинциальный театр, и больного ребенка, и долгую жизнь, ушедшую на добывание лекарств...

Прошла первая пятерка. Вполголоса обсудили, расставили оценки в экзаменационных листах; он только подписывался. Коротко кивал, один раз отрицательно покачал головой.

Прошла вторая пятерка.

Их таланты были, как камушки на морском берегу, как осколки янтаря, как шлифованные стекляшки. Изредка попадались самородки покрупнее; их носителей ожидали годы нищеты, жизнь в гримерках с женами и маленькими детьми, разводы, роли, успех, амбиции, роли, водка...

Запустили третью пятерку. Первой на сцену поднялась девочка в светлом платье, маленькая и тощая, почти без косметики, с короткой толстой косой на плече. Девочка остановилась, опасливо глядя в темный зал, часто заморгала, привыкая к прожекторам — и внутри у него дернулась, затрепыхалась ниточка.

Много лет назад, вот так же сидя в темном зале и просматривая чередой идущих юнцов, он увидел Алину. Теперь ее имя известно всем, у кого в доме есть хотя бы радиоточка, но дело ведь не в славе; тогда ей было семнадцать, она поднялась на сцену, невзрачная и напуганная, он посмотрел — и увидел ее изнутри, а потом увидел ее судьбу-фейерверк, судьбу солнышка, взлетевшего в зенит естественно и легко, согревающего всех, до кого можно дотянуться, и понял, заранее ликуя, что вот оно, вот, наконец-то...

И сейчас, глядя на девочку с косой на плече, он поверил: вот оно. Снова. Как хорошо, что я еще не умер.

Девочка начала читать какие-то стихи, у нее был звонкий «тюзовский» голос, и был талант, похожий на большой орех в слое золотой фольги. Она вошла во вкус, оставила волнение, члены приемной комиссии разглядывали ее более чем заинтересованно — а он откинулся на спинку стула, слепо шаря на столе в поисках аптечной упаковки.

Померещилось. Показалось. Не то. Он слишком устал. Нет, она будет учиться, и будет даже работать, но все это — не то...

Третья пятерка прошла.

— ...Перерыв?

Он подписал последний экзаменационный лист. Перед глазами стояла пелена; спускаясь по лестнице, он случайно скользнул взглядом по лицу той чьей-то суетливой мамы в зеленом шелковом платье — и увидел надежды, не сбывшиеся в мамашинной жизни, и страстное желание устроить судьбу хотя бы дочери, той самой, что зачем-то поступает сюда вот уже третий год, — и снова не поступит.

Помнится, Алину тоже не хотели брать. Он сам ее вытащил, на свой страх и риск, хоть и был тогда — никто, молодой преподаватель...

Теперь он шел в кафе.

Он знал всех официанток в забегаловке напротив. А они знали его норму.

Он ускорил шаг.

И уже будучи на противоположной стороне улицы, у самых дверей кафе, — услышал, как на втором этаже покинутого им здания один коллега сказал другому:

— Спился... Жаль.